

Неожиданное признание в сексуальной ориентации и боль в лодыжке заставили Гу Цзицина наконец прийти в себя.

Его рассеянный взгляд медленно сфокусировался, и он увидел явную выпуклость под одеялом.

Гу Цзицин замер.

Особых мыслей у него не возникло – сейчас уже раннее утро, и для парней его возраста подобная реакция вполне естественна.

Но даже через одеяло форма была заметна, что говорило о впечатляющих «габаритах». Не зря же все эти боттомы, зная о его гомофобии, всё равно толпами признавались ему в любви.

Определённо, он был идеалом для гей-сообщества.

Однако, к сожалению, не для его личных предпочтений.

По выражению лица Чжоу Цыбая, его тону и тому, как он сжимал его лодыжку, Гу Цзицин понял, что тот что-то неверно истолковал.

После короткой паузы он вежливо объяснил:

- Прошу прощения. Моя прежняя кровать была такой же, как твоя сейчас. Я только переехал и ещё не привык – перепутал. Никакого скрытого смысла, не волнуйся.

«Опять никакого скрытого смысла?» – мысленно взорвался Чжоу Цыбай.

Сначала заявил, что хочет «сделать его геем» – без скрытого смысла. Теперь, ранним утром, явился без штанов не на ту кровать – опять без скрытого смысла. А что тогда вообще его имеет?!

Мысль о том, что у него возникла реакция на мужчину, вызывала у Чжоу Цыбая отвращение. Он не ослабил хватку, а его лицо сохраняло настороженность.

Гу Цзицин понял, что голословные оправдания не работают. Вину за ситуацию он взял на себя и добавил серьёзности в голос:

- Ты действительно привлекателен, и я действительно предпочитаю мужчин. Но мне больше нравятся сдержанные и зрелые. Так что можешь не беспокоиться – я не стану за тобой ухаживать или докучать.

В его чёрных, словно кристалл, глазах читалась искренность. Когда он так внимательно смотрел на собеседника, любым словам верилось безоговорочно.

Да и для двух взрослых людей фраза звучала достаточно прямолинейно и ясно.

Однако Чжоу Цыбай не выглядел удовлетворённым. Казалось, даже после объяснений его раздражение не улеглось.

Решив добавить убедительности, Гу Цзицин после паузы продолжил:

- Мне не нравятся мужчины, похожие на крупных собак.

- Крупных... собак? – Чжоу Цыбай нахмурился, отвлекаясь от своих мыслей.

- Да. Потому что я боюсь боли.

«Боится боли? Может, в детстве он подвергался насилию, и теперь боится крупных мужчин?» - мелькнуло в голове Чжоу Цыбая. Его брови сдвинулись ещё сильнее.

В этот момент порыв ветра распахнул незакрытую балконную дверь. Холодный воздух ворвался в комнату, приподняв край рубашки Гу Цзицина и обнажив его тонкую талию, которая казалась хрупкой, будто готовая переломиться.

На балконе закачалась верёвка с бельём - чёрные мужские трусы, повешенные вчера вечером, с грохотом упали на пол вместе с вешалкой.

Итак: Гу Цзицин.

Крупный размер. Тонкая талия.

Большой телосложением. Боится боли.

Чёрт!

Через десять минут из комнаты 314 общежития Цзицин вновь раздался грохот захлопнувшейся двери.

*

- Вау! Гугу, ты правда ему так сказал?! - Ся Цяо, услышав историю, захлопал в ладоши, его лицо светилось возбуждением.

Гу Цзицин, наматывая на вилку спагетти, ответил спокойно:

- Некоторые вещи лучше объяснять сразу. Ложь менее убедительна, чем правда.

- Но твоя правда слишком прямолинейна! - Ся Цяо сделал вид, что осуждает, но глаза выдавали любопытство. - И как он отреагировал?

- Никак. Сказал, что так даже лучше - будем соблюдать дистанцию, жить как незнакомцы под одной крышей.

...И сбежал.

Вспомнив, как Чжоу Цыбай покраснел до корней волос, сдерживая ярость, а потом натянул куртку и выскочил из комнаты, Гу Цзицин почувствовал лёгкое раскаяние. Словно он обидел ребёнка.

Ся Цяо фыркнул:

- Погоди, через пару месяцев посмотрим, не изменит ли он своё мнение.

Он дружил с Гу Цзицином с седьмого класса и слепо верил в его обаяние. По его мнению, любой, кто провёл с Гу Цзицином больше десяти дней - будь то мужчина, женщина или ребёнок - не мог не влюбиться. Даже гомофобные гетеросексуалы.

- Но ты правда не заинтересован в Чжоу Цыбае? - Ся Цяо подмигнул.

- Нет. - Ответ прозвучал без колебаний. - А что?

- Жаль. - Ся Цяо вздохнул, разочарованно. - Смотри: его тело, лицо, статус... За весь год в универе - ни одного слуха! Он в тысячу раз лучше того подлого Хэ Чанчжи, который притворяется прямым. Если бы не гомофобия, он бы стал нашим идеалом! Ты представляешь, сколько боттомов рыдают по нему ночами? Если бы ты его завоевал, это стало бы гордостью всех геев Цинхуа!

«Будущая гордость геев Цинхуа» выслушал речь, продолжил накручивать спагетти и бросил:

- Выпрямлять гетеросексуалов - грех.

...

Короткая пауза.

- Ты прав.

- Давай лучше поедим. - Ся Цяо, поняв, что тема закрыта, сунул ему розовый термос. - Отнеси это Шэнь Лаода. Я потом забегу.

Шэнь Лаода - старший товарищ по школе в Наньу, Шэнь Чжао.

В средней школе Гу Цзицина и Ся Цяо из-за хрупкости и женственных черт часто дразнили. Шэнь Чжао тогда заступился за них, проучив обидчиков.

Даже узнав об их ориентации, он, будучи гетеросексуалом, продолжал их опекать. Позже все трое поступили в Цинхуа и сохранили близость. Особенно Ся Цяо - он обожал Шэня, часто готовил для него еду.

Взяв термос, Гу Цзицин направился к спортзалу. У входа услышал усталый голос:

- Сяо Чжоу, хватит! Ты играешь, как будто жизнь на кону. Если не отдохнёшь, я сдохну тут.

Шэнь Чжао, хоть и не обладал выдающимся телосложением, был высоким и спортивным. Довести его до такого состояния мог только один человек.

Гу Цзицин поднял глаза и увидел Чжоу Цыбая.

Остальные игроки, обливаясь потом, сидели на полу или опирались на колени. Только Чжоу Цыбай продолжал вести мяч к своей половине, резко остановился на середине и бросил.

Трёхочковый. Идеально.

- Чёрт, старший Чжоу, ты вообще человек? - это был Чэнь Юйбай, младший из их школы. - Ты сегодня просто убийца. Кто тебя так разозлил?

Чжоу Цыбай, чувствуя накопившееся раздражение, кивнул:

- Ладно, отдыхайте час.

Он повернулся, собираясь уйти, и застыл: в дверях стоял Гу Цзицин с термосом, лениво наблюдая за ним.

- Принёс поесть? - мысленно съязвил Чжоу Цыбай. - Утром договорились о дистанции, а в обед уже лезет...

Но в этот момент за спиной раздался радостный возглас:

- Гугу! Ты зачем пришёл?

Гу Цзицин перевёл взгляд на Шэнь Чжао и улыбнулся так мягко, что у Чжоу Цыбая ёкнуло внутри:

- Принёс тебе еду.

Чжоу Цыбай, едва не выпалив «Мне не нужно, чтобы кто-то приносил еду», резко развернулся.

Отлично. Раз еда не для него, тем лучше.

Хотя... «Гугу»? Слишком уж ласково.

От этого прозвища неприятное чувство в груди усилилось. Чжоу Цыбай схватил мяч и вернулся на площадку, атакуя с удвоенной яростью.

Если бы это был кто-то другой, Гу Цзицин предложил бы воду или отдых. Но сейчас он лишь молча сел рядом с Шэнь Чжао.

- Гугу, ты разобрался с тем Хэ Чанчжи? - спросил Шэнь, уплетая еду. - Нужна помощь?

- Переехал в другое общежитие. Всё нормально.

- Переезд - и не сказал?! - Шэнь нахмурился. - Как ты всё перенёс? А если новые соседи подумают, что тебя некому защитить, и начнут придирааться?

«Шэнь Лаода» получил прозвище не только за возраст, но и за вечную опеку.

Гу Цзицин с лёгкой досадой усмехнулся:

- Братец, я всё-таки взрослый мужчина, не стоит так беспокоиться.

- Это не одно и то же! - Шэнь Чжао нахмурился. - Твоя внешность просто просит, чтобы тебя дразнили. В следующий раз обязательно говори мне или Ся Цяо.

Среднюю школу Шэнь Чжао начал опекать Гу Цзицина как младшего брата. История с Хэ Чанчжи всё ещё злила его - он так и не смог проучить того подлеца. А теперь Гу Цзицин ещё и переехал втихаря. Лицо Шэня стало строже.

Зная его привычку волноваться, Гу Цзицин улыбнулся:

- Хорошо.

В этот момент Чжоу Цыбай, завершив бросок, обернулся и увидел их.

Шэнь Чжао - с выражением старшей заботы, Гу Цзицин - с покорной улыбкой, смягчавшей даже яркую красную родинку у глаза.

И вдруг Чжоу Цыбай вспомнил слова: «Мне нравятся сдержанные и зрелые».

Сдержанный? Шэнь Чжао из финансового факультета, в костюме выглядел бы как этакий интеллигентный мерзавец.

Зрелый? Они мало общались, но тот действительно казался рассудительным.

Старше... Всего на два года больше него и на год – Гу Цзицина. Какая тут «зрелость»?

Да и вообще, почему Гу Цзицин всем улыбается так... так...

Не понимая, откуда берётся эта злость, Чжоу Цыбай рванул вперёд, прыгнул и вогнал мяч в кольцо с такой силой, будто хотел разбить щит.

Мяч отскочил, он подхватил его и понёс обратно.

В конце концов, Гу Цзицин может улыбаться кому угодно. Они же договорились: держаться подальше, не пересекаться, жить как чужие.

Мысленно повторяя это, Чжоу Цыбай снова разбежался для прыжка. И тут раздался возмущённый крик:

- Гугу! Это кто тебя так за лодыжку схватил?! Смотри, синяки от пальцев!

Легендарный вице-капитан баскетбольной команды, известный своей координацией, нелепо замер, затем раздался щелчок – он вывихнул ногу.

Через пять минут врач лениво произнёс:

- Кто-нибудь знает соседей Чжоу Цыбая по общежитию? Нужно передать инструкции по уходу.

Единственный сосед, оставшийся в университете, медленно повернулся на звук голоса.

Взгляды встретились.

«Тот самый подлый хулиган, оставивший синяки»: «...»

Чжоу Цыбай понял: он явно накликал на себя гнев Тайсуя.

Авторская ремарка:

«Соблюдать дистанцию», «Не создавать проблем», «Тайсуй: ты просто совершил преступление любви».